

Наркопотребление: проблема выбора (версия II).

Традиционно, проблема потребления наркотиков рассматривается в двух плоскостях: как медицинская или как юридическая проблема. В лучшем случае, речь идет о медицинском и юридическом аспекте одной и той же проблемы. Однако, такое понимание потребления наркотиков недостаточно, поскольку исходит из той установки, что эта проблема есть нечто сугубо внешнее. Иными словами, это естественнонаучная установка, которая обеспечивается «позицией третьего лица»¹, которую занимает наблюдатель. Но в отношении потребления наркотиков такая позиция представляется неприемлемой, т.к. позиция наблюдателя в такой ситуации вызывает серьезные подозрения: как возможна не коррумпированная позиция третьего лица в отношении собственного выбора?²

Отказываясь же от такой позиции, т.е. оставляя порядок наблюдения, исследователь переходит к коммуникации, т.е. открывает возможность позиций первого и второго лица. Так понятая коммуникация оказывается формированием пространства социального, в которое оказывается включенным и потребление наркотиков, но не на правах внешнего для наблюдателя явления, которое он «незаинтересованно» рассматривает «со стороны», подспудно монополизируя при этом поле социального, но на правах «другой точки зрения», включающейся в процесс взаимной критики.

Нижеследующий текст следует рассматривать как опыт осмысления проблемы потребления наркотиков в рамках организации социального, как определяемого смыслом аристотелевского понятия «человек».

Если понимать социальное пространство как то, что формируется в ходе взаимной критики точек зрения, т.е. столкновения аргументационных стратегий, то необходимо *уже* предполагать некоторую универсальную разумность, обеспечивающую возможность самой этой критики. Иначе говоря, если социальное есть результат рационально мотивированного консенсуса, то *уже* должна необходимо существовать некая метаструктура, обеспечивающая суждения статусом аргументов, и сами аргументы той или иной силой. Эта метаструктура есть ни что другое, как форма логического вывода, во всяком случае обеспечивающая первичное распределение аргументов и не-аргументов.

Как говорит Карл Поппер в «Что такое диалектика», «правило вывода общезначимо, если и только если оно никогда не приводит от истинных посылок к ложному заключению». Таким образом, правило вывода должно выглядеть так: если посылки истинны, то и вывод истинен.

¹ Хабермас, Моральное сознание и коммуникативное действие.

² Там же.

Затем он вводит понятие «*составного высказывания [compound statement]*». Это высказывания типа: «*«Либо Сократ мудр, либо Петр — царь (но не то и другое вместе)»* $[A \vee B]$, или: «Сократ мудр *и/или* Петр — царь» $[A \vee B]$ ». Интерес Поппера в данном случае сосредоточен на неисключающей дизъюнкции – высказывании, построенном «таким образом, что оно истинно, если и только если истинно по крайней мере одно из двух его составляющих». Таким образом «*«Сократ мудр и/или Петр — царь» будет истинным, только если одно или оба составляющие его высказывания истинны; и оно будет ложным, если и только если оба его составляющие ложны»*».

Таким образом, вводя отрицание A – «*не-А*» $[¬A]$, – Поппер формулирует правило вывода следующим образом:

$$\frac{¬A \quad A \vee B}{B}$$

Или иначе: из двух посылок *не-А* и $A \vee B$ следует B .

В том случае, если принято, что посылка *не-А* истинна только в том случае, когда A ложно, «общезначимость этого правила можно считать установленной». И если *не-А* истинно, а значит, A ложно, «то второе составляющее $[B]$ второй посылки $[A \vee B]$ должно быть истинно»; иначе говоря, B должно быть истинным всегда, когда истинна посылка A и/или B и истинна посылка *не-А*.

Утверждая, что если *не-А* истинно, то A должно быть ложно, Поппер имплицитно употребляет закон противоречия, «утверждая, что *не-А* и A не могут быть истинны одновременно»³.

Первоначально, это формулируется Аристотелем, так: «мы же приняли, что в одно и то же время быть и не быть нельзя, и на этом основании показали, что это самое достоверное из всех начал». Причем это начало вводится как «такие правила игры, которые всегда *уже* приняты заранее»⁴, и определяют исключение как невозможность высказывания как осмысленного акта: «так вот, некоторые по невежеству требуют, чтобы и оно было доказано, ведь это невежество не знать, для чего следует искать доказательства и для чего не следует. ... И все же можно и относительно их утверждения доказать путем опровержения, что так дело обстоять не может, если только возражающий против нас что-то высказывает; если же он ничего не высказывает, то было бы смешно искать доводы против того, у кого нет доводов ни для чего, именно поскольку у него их нет: ведь такой человек, поскольку он такой, подобен ребенку».⁵

³ К. Поппер, Что такое диалектика, Вопросы философии.— 1995.— №1.— С. 118—138.

⁴ Б. Кассен.

⁵ Аристотель, Метафизика, Г, гл. 4, 1006а (стр. 126)

Таким образом, «закон противоречия» будучи «самым достоверным из всех начал» касается исключочающей дизъюнкции – «*Либо* Сократ мудр, *либо* Петр — царь (но не то и другое вместе)» ($A \vee B$), – в еще большей степени, чем того правила вывода, о котором говорит Поппер. Его применение к исключочающей дизъюнкции выглядит так:

$A \vee B$

$\neg A$

B

Иначе говоря, исключочающая дизъюнкция – составное высказывание, которое истинно тогда и только тогда, когда истинно только одно из составляющих его высказываний (в отличие от неисклучающей дизъюнкции, которая предполагает возможность истинности и обоих составляющих высказываний).

При этом такая форма вывода имплицитно использует и «закон исключочного третьего», согласно которому два противоречаших высказывания не могут быть одновременно ложными. Такая импликация очевидна уже в самом определении исключочающей дизъюнкции, которая ложна, если одно из входящих в нее высказываний не будет истинным. Иными словами, исключочающая дизъюнкция – составное высказывание, которое истинно тогда, и только тогда, когда истинно только одно из входящих в него составляющих суждений, – должна быть понята как пропозициональное выражение этих двух законов – «закона противоречия» и «закона исключочного третьего».

Таким образом, эти два закона оказываются основанием рациональности вообще, или, иначе говоря, оператором человеческого статуса. Мышление, человеческое мышление, если только оно претендует на то, чтобы быть подлинным мышлением, должно содержать аргументы, т.е. быть построено как суждение. Суждение же может быть построено только в том случае, когда эти законы уже применены. Соответственно, в том случае, когда эти законы не применены, говорящий оказывается в лучшем случае «подобен ребенку».

Таким образом, исключочающая дизъюнкция, как пропозициональное выражение законов «противоречия» и «исключочного третьего», будучи тем правилом игры, которое всегда уже принято *заранее*, определяет форму «западного», т.е. ориентированного на Аристотеля, мышления. Того мышления, которое мыслит противоречие как нечто невозможное.

Однако сам логический вывод внутренне разорван. Эта проблема известна как парадокс Кэрролла. «Если считать, что предпосылки A и B истинны, то из них можно вывести только то предложение, о котором идет речь [как о выводе] (назовем его Z)»⁶. При этом само правило вывода должно быть включено в процедуру вывода как одна из посылок: « Z , в свою очередь, истинно, если истинны A и B . А это равносильно предложению C , остающемся внутри процедуры вывода и не способному от нее оторваться,

⁶ Ж. Делез, *Логика смысла*, М. academia, 1995. с. 30 - 31

поскольку С отсылает к предложению D, утверждающему, что «Z истинно, если истинны А, В и С...», и так до бесконечности». Сам Кэрролл в «Истории с узелками»⁷ рассматривает такой силлогизм: «А) Равные одному и тому же равны между собой. В) Две стороны *этого* треугольника равны одному и тому же. Z) Две стороны *этого* треугольника равны между собой». Таким образом, необходимо ввести предпосылку С: если А (Равные одному и тому же равны между собой) и В (Две стороны *этого* треугольника равны одному и тому же) действительно истинны, то Z (Две стороны *этого* треугольника равны между собой) действительно истинно. Далее необходимо ввести предпосылку D: Если истинны А, В и С, то Z должно быть истинным. И так далее, до бесконечности.

Это, как говорит Делез, «парадокс, лежащий в самой сердцевине логики и имеющий решающее по важности значение для всей теории символического вывода и значения». Иными словами, речь идет о том, что предложение, выступающее в качестве вывода, есть нечто утверждаемое само по себе: «даже если считать, что предпосылки ... истинны, то из них можно вывести только то предложение, о котором идет речь ... Остается только отделить его от этих предпосылок и утверждать само по себе, независимо от процедуры вывода». Короче говоря, предложение, логически выводимое из посылок в качестве вывода, должно утверждаться независимо от самих этих посылок.

Последствия этого парадокса, представляются особенно значимыми в отношении исключаящей дизъюнкции, и касающихся ее правил вывода. Действительно, имеется предложение А и предложение В, из которых истинно одно, и только одно. Имеется предложение, утверждающее ложность одного из них. «Следовательно» второе из этих предложений истинно – и это вывод из данных посылок. Однако, в силу указанного парадокса, то, что значит после слова «следовательно», утверждается само по себе и не связано с тем, что значит до этого слова.

Таким образом, когда речь идет о рационально мотивированном консенсусе, который должен организовывать поле социального, следует понимать это поле как то, что организовано чистыми утверждениями. Утверждениями, обеспеченными уже не рациональностью, но той силой, которая присуща утверждению. Причем сама эта сила претендует на статус рациональности, а значит на право исключения того, что этой рациональности не соответствует.

Иначе говоря, те, кто не высказывает свою точку зрения как аргументированную, т.е. соответствующую правилам логического вывода суть «подобны ребенку». Однако те, кто аргументирует свою точку зрения, в конечном счете, аргументируют ее при помощи «апелляции к палке».

Исходя из этого, можно, как кажется, прояснить почему принцип самоидентификации – я и другой, – построен как исключаящая дизъюнкция.

⁷ Кэрролл, Л. История с узелками, - М. Мир, 1973, - с.369, 371

Дизъюнктивный вывод претендует на истинность, и претензия эта связана с необходимостью *скрыть* произвольность сделанного выбора. И именно в связи с этой претензией формируются понятия нормы и аномалии. Действительно, узаконенный «задним числом» член дизъюнкции, постулируемый в качестве *центральной позиции* или нормы, обрушивает всю мощь закона и рациональности на отрицаемый член дизъюнкции, постулируемый в качестве *маргинальной позиции* или аномалии.

Когда я употребляю наркотики, я должен понимать, что это *незаконно, ненормально и нерационально*. Это так потому, что люди сделавшие выбор в пользу *неприменения* наркотиков, считают это законным, нормальным и рациональным; потому что таких людей большинство, и они обладают властью, а значит их «аргументация» обладает необходимой силой.

К сожалению, нет уверенности в том, что люди говорящие о законности, нормальности и здравом смысле, которые оправдывают, сделанный ими выбор, понимают или готовы понять, что законность, норма и здравый смысл – суть только способы узаконить «задним числом» собственные насилие и произвол. А равно нет уверенности и в том, что выбор следует делать из тех соображений, что кто-то его *уже* сделал, а значит, *сделал и за меня*.

Когда Лемерт и Беккер говорят о «первичной» и «вторичной» девиации, речь, в сущности, идет о своего рода метаморфозе, происходящей с «я». Совершая отклоняющееся действие, субъект сталкивается с теми или иными санкциями, нацеленными на пресечение таких его действий. Под воздействием этих санкций, он вынужден понять, что его действия незаконны, а сам он воспринимается другими акторами в качестве девианта. Вследствие этого, субъект усваивает образ девианта, и функционирует в соответствии с этим, навязанным образом.^{8 9} Тем не менее, такая модель обнаруживает явные недостатки: помимо усвоения образа девианта, сохраняется такой образ «я», который явным образом связан с положительной оценкой собственных действий. Уже в силу привилегированного доступа к некоторым непосредственным очевидностям, которые можно условно обозначить как «внутренний мир» субъекта. Или, более точно, к тому «Как», которым существует сущность.¹⁰

И поэтому, уже на уровне образа «я» становится очевидным противоречие между интернализированным образом и тем «внутренним миром», к которому субъект имеет привилегированный доступ. Конфликт, возникающий между нормами, формируемыми аргументацией исключаящего сообщества, и попыткой легитимировать собственный произвол, отсылающий к такому привилегированному доступу, в порядке этой же аргументации оказывается неразрешимым, поскольку в нем задействованы силы противоречия, связанные с Истиной, а значит, это противоречие не может быть снято. Действительно, здесь идет борьба за

⁸ Lemert, Edwin M. / Forrest Dill: Offenders in the Community. Lexington – Toronto 1978.

⁹ Becker Howard S. The Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. NY. 1963.

¹⁰ М. Хайдеггер, Переписка с Ясперсом.

центральное положение и связанную с ним Власть, позволяющее при помощи апелляции к Истине эту власть узаконить. Да, применять наркотики незаконно и ненормально, но это *неправильный закон и неправильная норма*, ведь я применяю наркотики. Да, я применяю наркотики, но *это неправильно*, потому что это незаконно и ненормально.

Каковы же основания полагать, что точка зрения, совпадающая с центральной позицией, т.е. той позицией, которая является в настоящее время истинной, или считается таковой, менее противоречива, чем маргинальная позиция? Только то, что такой конфликт, или кризис, не осознается?

Однако если речь все же идет о *понимании*, т.е. о процессе взаимной критики точек зрения, то представлять точки зрения как структурно различающиеся невозможно. Иными словами, любая точка зрения, чтобы входить в поле аргументации должна претендовать на определенную степень разумности. Если же ей в этой разумности отказано, она перестает быть точкой зрения. Однако отказ в разумности на том основании, что я предпочитаю *другую* точку зрения, не может быть понят иначе, как отказ от разумности вообще.

В качестве вывода, хотелось бы указать на два момента: 1) возможность переосмысления отношения к проблеме потребления наркотиков; 2) необходимость понимать предложенный текст не в качестве доказательства, связанного с процедурой логического вывода, но в качестве описания некоторого явления, не имеющего отношения ни к выводам, ни к однозначности.

1. Ю. Хабермас, Моральное сознание и коммуникативное действие.
2. К. Поппер, Что такое диалектика, Вопросы философии.— 1995.— №1.— С. 118—138.
3. Б. Кассен. Эффект софистики.
4. Аристотель, Метафизика, Г, гл. 4, 1006а (стр. 126)
5. Ж. Делез, Логика смысла, М. academia, 1995. с. 30 - 31
6. Кэрролл, Л. История с узелками, - М. Мир, 1973, - с.369, 371
7. Lemert, Edwin M. / Forrest Dill: Offenders in the Community. Lexington – Toronto 1978.
8. Becker Howard S. The Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. NY. 1963.
9. М. Хайдеггер, Переписка с Ясперсом.